

УДК 398.22(=512.157)
DOI 10.25587/x5715-0528-3986-o

А. А. Кузьмина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ВКЛАД Н. В. ЕМЕЛЬЯНОВА В ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВОВ ЯКУТСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Аннотация. Статья посвящена оценке вклада якутского фольклориста, доктора филологических наук Н. В. Емельянова в исследование сюжетики и мотивики героического эпоса олонхо. Актуальность исследования заключается в том, что систематизация сюжетов и мотивов якутского героического эпоса, начатая Н. В. Емельяновым, представляет собой фундаментальную научную работу, требующую должной оценки и продолжения, углубления исследований по этой теме. Теория мотива в фольклористике до сих пор неоднозначна, и определение позиции якутских исследователей по этой проблеме также представляется актуальным. Цель статьи – оценка вклада Н. В. Емельянова в выявление и систематизацию мотивов якутского героического эпоса олонхо. Используются методы структурного, сравнительно-типологического анализа. Выявлено, что в фольклористике большое влияние оказали теоретические подходы А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова по мотиву, которые повлияли и на научные труды Н. В. Емельянова. В результате многолетней, кропотливой работы на основе архивных материалов исследователем была проведена систематизация олонхо по сюжетно-тематическим группам: о заселении Среднего мира племенами *ураангхай саха*, о родоначальниках *ураангхай саха*, о защитниках племени *айыы аймага*. По Н. В. Емельянову, эти группы представляют собой эволюционное развитие сюжетов олонхо. Обнаружены типологические сходства мотивов олонхо и исторических преданий о заселении первопредками якутов долины реки Лена. Отмечена устойчивость композиционной структуры сюжета якутского героического эпоса, для которой характерны определенные сюжетные мотивы. Установлено, что Н. В. Емельянов рассматривал мотив как составляющую часть, компонент сюжета и выделил 139 мотивов, которые он распределил на несколько групп и видов: основные, подчиненные, специфичные, эпизодические мотивы – по значению в сюжете; эпические и сказочные мотивы – по генезису; архаические, христианские и социальные – по напластованию. Труды Н. В. Емельянова оказали большое влияние на последующие исследования по сюжетики и мотивике якутского героического эпоса. В перспективе следует изучить рецепцию идей Н. В. Емельянова в трудах современных эпосоведов.

Ключевые слова: олонхо; эпос; исторические предания; сюжет; мотив; сюжетно-тематическая группа; сюжетосложение; типология; систематизация; Николай Васильевич Емельянов.

Благодарности: Статья написана в рамках проекта гранта РФФИ № 19-012-00170 «Якутские фольклористы: биобиблиографический словарь».

А. А. Kuzmina

Contribution of Nikolay Emelyanov to the studying of motifs of the Yakut heroic epic

Abstract. The article is devoted to the assessment of the contribution of N. V. Emelyanov, a Yakut folklorist, Doctor of Philology, in the study of the plot and motifs of the heroic epic olonkho. The relevance of the study lies in the fact that the systematization of plots and motifs of the Yakut heroic epic, begun by N. V. Emelyanov, is a fundamental scholarly work that requires proper assessment and continuation, deepening of research on this topic. The theory of motif in folklore is still ambiguous, and the determination of the position of Yakut researchers

КУЗЬМИНА Айталиа Ахметовна – к. филол. н., с. н. с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия.

E-mail: aitasakha@mail.ru

KUZMINA Aitalina Akhmetovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Department of Folklore and Literature, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russia.

E-mail: aitasakha@mail.ru

on this issue is also relevant. The purpose of the article was to evaluate the contribution of N. V. Emelyanov to the identification and systematization of the motifs of the Yakut heroic epic *olonkho*. The methods of structural, comparative typological analysis were used. It was revealed that the theoretical approaches of A. N. Veselovsky, V. Ya. Propp, B. N. Putilov, E. M. Meletinsky, S. Yu. Neklyudov had a great influence in folklore based on the motif. Their ideas also influenced the research works of N. V. Emelyanov. As a result of many years of painstaking work on the basis of archival materials, the *olonkho* was systematized according to plot and thematic groups: about the settlement of the Middle World by the Uraanghai Sakha tribes; about the ancestors of the Uraanghai Sakha; about the defenders of the Aiyy Aimaga tribe. According to N. V. Emelyanov, these groups represent the evolutionary development of *olonkho* plots. Typological similarities between the motifs of *olonkho* and historical legends about the settlement of the first ancestors of the Yakuts in the Lena River valley were found. The stability of the compositional structure of the plot of the Yakut heroic epic, which is characterized by certain plot motifs, was noted. It was established that N. V. Emelyanov considered the motif as a constituent part, a component of the plot and identified 139 motifs, which he divided into several groups and types: main, subordinate, specific, episodic motifs – according to their meaning in the plot; epic and fabulous motifs – by genesis; archaic, Christian and social – by strata. The works of N. V. Emelyanov had a great influence on subsequent research on the plot and motifs of the Yakut heroic epic. In the future, research should be carried out on the reception of N. V. Emelyanov's ideas in the works of modern epic scholars.

Keywords: *olonkho*; epic; historical legends; plot; motif; plot-thematic group; plot composition; typology; systematization; Nikolay Vasilyevich Emelyanov.

Acknowledgements: This article was prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research Grant No. 19-012-00170 “Yakut folklorists: a biobibliographic dictionary”.

Введение

Исследование особенностей сюжетов и мотивов якутского героического эпоса, который относится к наиболее ранним типам тюрко-монгольского эпоса, является одним из перспективных направлений якутской фольклористики. В этом году научная общественность Якутии собирается широко отметить 100-летие со дня рождения известного якутского эпосоведа, фольклориста – доктора филологических наук Николая Васильевича Емельянова. В связи с этим стоит задача научного осмысления его трудов с точки зрения сегодняшнего дня и оценки вклада ученого в развитие якутской фольклористики. Актуальность исследования обусловлена тем, что систематизация сюжетов и мотивов якутского героического эпоса, начатая Н. В. Емельяновым, представляет собой фундаментальную научную работу, требующую должной оценки ее значимости и продолжения, углубления исследований по этой теме.

Цель статьи – оценка вклада Н. В. Емельянова в выявление и систематизацию мотивов якутского героического эпоса *олонхо*. Новизна работы состоит в том, что впервые уделяется внимание мотивам *олонхо*, выделенным Н. В. Емельяновым в контексте сюжетных типов героических сказаний якутов.

Работа опирается на труды самого Н. В. Емельянова по сюжетике якутского героического эпоса [1, 2, 3, 4, 5], статьи о нем [6, 7, 8, 9]. В качестве источников использованы также работы отечественных ученых А. Н. Веселовского [10], В. Я. Проппа [11], Б. Н. Путилова [12, 13], Е. М. Мелетинского [14], С. Ю. Неклюдова [15], Ю. Е. Березкина [16], Г. У. Эргиса [17] и др. по фольклорному сюжету и мотиву. В работе использованы структурный, сравнительно-типологический методы исследования.

Направление научных изысканий по сюжетике *олонхо* было предложено Н. В. Емельянову его учителем и коллегой Г. У. Эргисом. В этом деле ему помогали Н. М. Алексеев, П. Е. Ефремов, Л. Ф. Рожина, А. Л. Новгородова, В. Д. Кривошапкина [7, с. 14]. Так, в труде «Сюжеты якутских *олонхо*» в качестве материала исследования было использовано 75 текстов *олонхо*. Н. В. Емельяновым впервые была дана следующая классификация *олонхо* на сюжетно-тематические группы, представляющие собой этапы развития якутского эпоса: 1) о заселении Среднего мира племенами *ураангхай саха*; 2) о родоначальниках *ураангхай саха*; 3) о богатырях, защитниках племени *айыы аймага* [7, с. 5–6].

Научные представления о мотиве

На разных этапах развития отечественного и зарубежного литературоведения и фольклористики по отношению к мотиву сложилась неоднозначная его интерпретация.

В отечественной науке разработка теории мотива связана с именем А. Н. Веселовского, который подчеркивал семантическую целостность и морфологическую разложимость мотива [10, с. 500]. Он считал, что сюжет предстает как комплекс мотивов. Если мотив представляет собой простые и устойчивые образования, то сюжет – это сложная и варьирующаяся организация текста. В последующем историческая поэтика А. Н. Веселовского оказала огромное влияние на всю отечественную филологическую науку.

Структурный подход был существенно развит В. Я. Проппом в его труде «Морфология сказки», где он вместо семантического критерия неразложимости мотива использует логический, то есть мотив, по его мнению, не является одночленным, а состоит из частей, которые могут замещаться другими. Он отказывается от термина «мотив», вместо этого вводит принципиально иную единицу повествования – функцию действующего лица [11, с. 31].

Теория В. Я. Проппа также привлекла большое внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. Один из его последователей, американский исследователь А. Дандес ввел вместо «функции» В. Я. Проппа понятие «мотифема», в которой объединяются значения мотива и алломотива как варианта и конкретной реализации мотива [18]. Другие американские ученые П. Маранда и Э. Кёнгас-Маранда в перечень структурных сюжетобразующих единиц фольклора включили – типы, мотивы, мотифему, мифему, термы [19], однако их идея не получила поддержки фольклористов.

Теория сюжета и мотива фольклорного текста разрабатывалась также отечественным фольклористом Б. Н. Путиловым [12, 13]. Он определил сюжет не как сумму постоянных мотивов, а как некое целостное единство; вариативность является основным качеством сюжета фольклорного текста [13, с. 217]. Б. Н. Путилов считал мотив важной категорией художественной организации фольклорного произведения, «феноменом культуры вообще», обнаруживая в нем воплощение «плана содержания» и «плана выражения» [13, с. 172]. Мотивы распределены по трем группам в зависимости от их функционально-содержательной стороны: 1) внешне статичные (мотивы-экспозиции, мотивы-описания, мотивы-характеристики, мотивы-эпиплоги), 2) динамичные (мотивы-связки, мотивы-переходы, мотивы-диалоги), 3) наиболее динамичные (мотивы-события, мотивы-действия, мотивы-поступки) [12, с. 179].

Отечественный ученый Е. М. Мелетинский разработал дихотомические (дуалистические) идеи на основе структурализма, развивая идеи В. Я. Проппа. Он также понимает мотив как функциональное единство инвариантного и вариантного начал. Уподобляя структуру мотива структуре предложения, он рассматривает мотив как одноактный микросюжет, основой которого является действие (предикат, от которого зависят аргументы-актанты: агенс, пациенс и т. д., и их число) [14].

С. Ю. Неклюдов, продолжая идеи Е. М. Мелетинского, выделяет еще «объектно-атрибутивные», «локально-атрибутивные» свойства мотива у статических элементов повествования. Вместо «мотивов-ситуаций» Б. Н. Путилова он предлагает назвать такие статические единицы «мотивами-образами» или «квази-мотивами». С. Ю. Неклюдов выделяет два уровня семантики мотива: поверхностный (уровень реализации мотива в конкретном сюжете) и глубинный (мотив во всей совокупности его значений) [15].

Несколько иной точки зрения придерживается Ю. Е. Березкин, создатель электронного каталога фольклорно-мифологических мотивов народов мира, под мотивом понимая целый комплекс повторяющихся эпизодов, образов, личных имен, привязок типов персонажей к животным определенных видов, словесные формулы и т. д. [16, с. 28].

Как видно, научные представления о мотиве неоднозначны, однако многие работы по сюжетике фольклорного текста используют его в качестве предмета исследования. Забегая вперед, можно отметить, что Н. В. Емельянову были близки идеи В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова относительно мотива.

Н. В. Емельянов о сюжетных мотивах якутского героического эпоса

Н. В. Емельянов рассматривал мотив как составную часть, компонент сюжета: «основные мотивы, составляющие сюжет олонхо» [3, с. 14]. Он не давал какого-либо определения мотиву, однако это не мешало ему оперировать этим понятием, подразделяя его на различные виды: «основные мотивы», «общие мотивы», «подчиненные мотивы» и др. «Общие» мотивы,

по представлению Н. В. Емельянова, входят в единую для всех олонхо «традиционную идейно-тематическую систему», включающую также эпическое время и пространство, традиционные образы, поэтические формулы и т. д. [1, с. 7]. Разнообразие сюжетов якутских сказаний достигается «переплетениями традиционных, устоявшихся веками мотивов (событий, эпизодов)» [1, с. 7]. Как видим, мотив идентифицируется и как событие, эпизод. При этом подчеркивается его традиционность и длительность существования.

Н. В. Емельянов подразделяет мотивы на основные, подчиненные, специфичные, эпизодические. Основные мотивы, как указано выше, составляют сюжет олонхо. Композиционная структура сюжета якутского героического эпоса соответствует традиционным канонам, и те или иные основные мотивы почти всегда находятся в конкретной части. Н. В. Емельянов, подметив это, выделил основные мотивы, формирующие экспозицию, завязку, развитие, кульминацию, развязку сюжета олонхо [3, с. 14–17]. Наряду с основными сюжетобразующими мотивами встречаются и подчиненные по отношению к ним мотивы [3, с. 90]. В зависимости от сюжетно-тематической группы олонхо встречаются специфические мотивы, лежащие в основе своеобразного сюжета [5, с. 8].

Исследователь использует определение «эпические мотивы», когда необходимо разграничить сказочные мотивы в олонхо [2, с. 42; 3, с. 57–58; 3, с. 83]. По Н. В. Емельянову, в сюжетосложении олонхо собственно эпические мотивы считаются наиболее подвижными [2, с. 91]. Некоторые сказочные мотивы в эпосе могли быть заимствованиями из русского фольклора [2, с. 102].

Поздние напластования в мотивной системе олонхо также стали предметом специального изучения Н. В. Емельянова, который, цитируя высказывание Г. У. Эргиса, пишет: «Одни сюжеты и сюжетные мотивы могли возникать в глубочайшей древности, другие в более позднее время» [5, с. 9; 17, с. 192]. Так, мотив «некрещеный человек не может попасть в рай» [3, с. 131] отдельно выделен в качестве «христианского» мотива, возникшего в более поздний период, после массовой христианизации якутов XVIII–XIX вв. [20, с. 142]. А появление мотива социального протеста [2, с. 137] считается результатом трансформации эпоса в XIX в., когда в олонхо стали проникать отражения социальных противоречий того общества. Однако социальные мотивы встречаются редко и не играют решающей роли в эпическом сюжете [4, с. 9].

Интересно наблюдение ученого о существовании взаимосвязи мотивов с «общими местами» в эпосе: «С помощью усложненных параллелизмов раскрывается и эпический мотив “герой, непомнящий своего происхождения”» [3, с. 57–58].

Теория мотивики олонхо, представленная Н. В. Емельяновым, основывается на ее отношениях с историческими преданиями: «Хотя многие сюжетобразующие мотивы легенд, исторических преданий и олонхо перекликаются между собой, сюжеты произведений этих двух жанров развиваются по своим жанровым законам» [5, с. 13]. Особенно это касается раннего типа олонхо об одиноком герое Эр Соготох (Муж-Одиночка) и легенды о прародителях якутов Эр Соготох Эллэе.

Если другие исследователи одним из характерных признаков мотива считают его повторяемость, то Н. В. Емельянов мог именовать мотивами и некоторые сюжетные ходы, встречающиеся только один раз [2, с. 102]. При этом из контекста его работ видно, что эти случаи ученый все-таки рассматривает как вариантный ряд мотива или его реализацию в конкретном тексте.

Мотивы олонхо в исследованиях Н. В. Емельянова

Мы выявили 139 сюжетных мотивов олонхо, упомянутых в трудах Николая Васильевича Емельянова, и распределили данные мотивы по принадлежности к сюжетно-тематическим группам и по месту в композиционной структуре сюжета. При этом нами было установлено, что в последнем труде «Сюжеты олонхо о защитниках племени» Емельянов почти перестал использовать термин «мотив». Самое большое количество мотивов выделено исследователем в книге «Сюжеты олонхо о родоначальниках ураангхай саха».

Н. В. Емельянов отметил устойчивость композиционной структуры сюжета якутского героического эпоса, для которой характерны определенные сюжетные мотивы: экспозиция (эпический зачин), завязка, развитие действия, кульминация, дальнейшее развитие действия, развязка [1, с. 11–12]. В экспозиции олонхо включены следующие мотивы: мотив поселения

героя в Средний мир [2, с. 9; 5, с. 14], мотив одиночества героя, которого он сам не осознает, мотив описания внешнего облика богатыря, его силы, мотив описания страны героя, ее богатств, мотив описания богатств богатыря, мотив описания дома, подворья богатыря, мотив описания священного дерева Аар Мас, мотив описания окружающей природы, мотив описания одежды героя, его вооружения, мотив описания верховых коней, мотив описания образа жизни богатыря, мотив описания психологического состояния героя по достижении им восемнадцатилетнего возраста [3, с. 14], мотив чудесного зачатия [2, с. 40], мотив чудесного воспитания отверженного ребенка божественного происхождения [2, с. 41], мотив чудесного поселения в Среднем мире отверженного сына (дочери) верховных божеств, которому суждено стать родоначальником якутов (*ураанхай саха*) [2, с. 90; 5, с. 8], мотив божественного происхождения героя, мотив происхождения героя [2, с. 91], мотив описания смутного беспокойства, мотив наблюдения над жизнью зверей и пернатых [3, с. 17], мотив молодчества богатыря [3, с. 19], мотив «герой, не помнящий своего происхождения» [3, с. 57–58], мотив возведения дома [3, с. 60], мотив выбора богатырского коня [3, с. 62], мотив появления одинокого героя в Среднем мире [3, с. 70], мотив устройства жилья, мотив разведения скота [3, с. 70–71], сказочный мотив происхождения «невзрачного» героя [3, с. 83], мотив чудесного поселения в Среднем мире отверженного потомка верховных божеств, которому суждено стать родоначальником якутов (*ураанхай саха*), мотив одинокого героя Эр Соготох – первого человека на земле (в своей стране) [3, с. 96]. Как видно, к числу мотивов относятся описания мира, характеристика внешнего вида героя без предикативной конструкции. Вероятно, Н. В. Емельянов основывался на научные представления Б. Н. Путилова, С. Ю. Неклюдова о «мотивах-описаниях», «мотивах-характеристиках» [12, с. 146–147], «квазимотивах», «мотивоидах» [15, с. 226].

По Н. В. Емельянову, завязка сюжета олонхо состоит из следующих мотивов: мотив оскорбления героя богатырем *айыы*, спасенным им от преследования *абаасы* [2, с. 37, 90, 91], мотив чудесного сватовства [2, с. 90], мотив похищения жены [2, с. 90; 5, с. 8], мотив появления железного *абаасы* и его сватовство [2, с. 97], мотив желания женщины-богатырки устроить семейный очаг [2, с. 103], мотив социального протеста [2, с. 137], мотив решения богатыря обратиться к духу-хозяйке священного дерева, мотив ответа духа-хозяйки священного дерева богатырю [2, с. 17], мотив героического сватовства [2, с. 96], мотив жажды встречи богатыря с другими силачами, мотив осознания богатырем своего одиночества и решения отправиться на поиски жены [2, с. 114], мотив похищения *абаасы* женщин *айыы*, мотив соперничества женихов, мотив освобождения захваченных *абаасы* людей [5, с. 133], мотив о бедствиях жителей Среднего мира и необходимости защиты их от *абаасы* [5, с. 136]. Данные мотивы показывают разнообразие причин возникновения богатырского похода, некоторые из них представляют собой целую цепочку действий (решение богатыря обратиться к духу-хозяйке священного дерева, ответ духа-хозяйки священного дерева богатырю и др.).

Развитие действия (сюжета) охватывает следующий комплекс мотивов: мотив ниспослания божеством Джёсёгёем коня, предназначенного богатырю, мотив раскрытия тайны рождения героя [2, с. 39], мотив прощания героя с родной страной перед богатырским походом [2, с. 42], мотив испрашивания коня у кузнецов [2, с. 84], мотив богатырского похода, мотив поиска жены героя [2, с. 90], мотив вмешательства духов-хозяев земли, гор, перевалов и морей, мотив препятствия в пути героя [2, с. 91], мотив закалки и возмужания богатыря [2, с. 165], мотив сборов в богатырский поход, мотив преодоления трех препятствий, мотив «боевой конь – помощник богатыря» [3, с. 17], мотив преодоления препятствий, мотив «магического бегства» (герои сами устраивают препятствия на пути противника) [3, с. 52], мотив инициации, мотив «некрещеный человек не может попасть в рай» [3, с. 131]. Эти мотивы служат связующим звеном между мотивировкой выезда главного героя и непосредственно его битвой с главным антагонистом. На этом этапе преимущественно описывают посвящение в богатыри и преодоление первого препятствия.

Кульминация сюжета олонхо формируется из таких мотивов, как: мотив змеборства [2, с. 67], мотив любовного влечения женщин *абаасы* к богатырям *айыы* [2, с. 87], мотив помощи мифологических орлов, мотив преодоления препятствий, мотив освобождения жены героя из плена *абаасы* [2, с. 90], мотив борьбы с чудовищами Нижнего мира [2, с. 91], мотив победы

в единоборстве девы-богатырки над *абаасы*, мотив победы *абаасы* над девой-богатыркой [2, с. 97], мотив победы девы-богатырки над *абаасы* при помощи посланника верховного божества [2, с. 98], мотив борьбы с похитителями жены – богатырями Нижнего мира, тунгусским богатырем [5, с. 8], мотив описания страны Хараххаана, мотив описания образа жизни родителей Хотууны, мотив описания невесты, ее красоты, мотив вещего сна Симэхсин эмээхсин, мотив приезда богатыря *абаасы*, мотив описания облика богатыря *абаасы*, мотив песнопения *абаасы*, его сватовства, мотив описания горя в семье Хараххаана, мотив приезда богатыря *айыы*, его встречи с мальчиком-сиротой, мотив встречи соперников, мотив единоборства богатырей, мотив смертельной раны богатыря *айыы*, мотив исцеления богатыря *айыы*, мотив победы богатыря *айыы* над *абаасы*, мотив жертвоприношения трупа богатыря *абаасы* солнцу и луне, мотив превращения кусочка сердца *абаасы* в ворона, который станет источником болезней и бед рода богатыря из племени *айыы* [3, с. 17]. Как видно, кульминация представлена целым комплексом мотивов, повествующих битву героя со своим противником.

Дальнейшее развитие действия представлено комбинацией следующих мотивов: мотив перевоплощения богатырского коня [2, с. 60], мотив битвы богатырей *айыы* с 88 богатырями *абаасы* и их победы над демонами [2, с. 104], мотив попытки возрождения *абаасы* из избежавшей уничтожения какой-нибудь жизненно важной части его тела, которую мать *абаасы* выныривает в железной люльке [2, с. 163], мотив «младшая сестра следует за старшей, вышедшей замуж» [2, с. 179], мотив боя между неузнанными братьями [5, с. 119]. Данные мотивы в преобладающем большинстве встречаются в ранних типах олонхо.

В развязку сюжета обычно входят: мотив запрета связи с мужем для женщины, взятой им вопреки желанию брата [2, с. 86], мотив счастливого возвращения домой [2, с. 90], мотив возвращения героини домой [2, с. 98], мотив радости сородичей Хараххаан Тойона, мотив выдачи замуж дочери Хараххаана за богатыря из племени *айыы*, мотив возвращения богатыря в свою страну с женой и ее ста сородичами, мотив счастливой жизни богатыря *айыы*, который становится родоначальником людей [3, с. 17]. В заключительной части в основном описаны возвращение богатыря со своей женой и их счастливая жизнь.

Выявлены мотивы олонхо, за которыми не закреплено определенное место в композиционной структуре сюжета: мотив превращения женщины в животное из ненависти к не любимому мужу [2, с. 55], мотив конфликта между двумя единоплеменниками [2, с. 90; 5, с. 8], мотив оборотничества невесты (жены) [2, с. 90, 91], мотив враждебного отношения к жениху (мужу) [2, с. 90], мотив покровительства богов, мотив чудесных помощников, мотив отношения между богатырями *айыы*, мотив «скрытое сватовство», мотив взаимоотношения между женихом (мужем) и невестой (женой) [2, с. 91], мотив вызывания на помощь девой-богатыркой своего раба, мотив обращения девы-богатырки к Юрюнг Айыы, мотив извлечения небесными шаманками раненой девы-богатырки [2, с. 98], мотив «звери – чудесные помощники» [2, с. 102], мотив «похититель прячет лошадь в утробе лося», мотив «конь спрятан в железном амбаре под землей», мотив пропажи коня [2, с. 124], мотив превращения раба-*абаасы* в богатыря *айыы*, мотив провозглашения домашнего раба Сорук Боллура защитником Среднего мира [2, с. 150], мотив чудесного сватовства [5, с. 8], мотив неожиданной женитьбы богатыря, мотив чудесной женитьбы богатыря [3, с. 28], мотив второй женитьбы богатыря [3, с. 31], мотив спасения новорожденного сына женщиной *айыы* от *абаасы* [3, с. 44], мотив бедности, мотив возвышения старика Юёдюёна [3, с. 45], мотив «отдай то, чего дома не знаешь» [3, с. 83], мотив конфликта между единоплеменниками *айыы аймага*, мотив женитьбы героя на жене-оборотне, мотив конфликта с иноплеменными богатырями (как правило, с богатырями *абаасы*) [3, с. 96], мотив проглатывания Луо-рыбой людей *айыы* [3, с. 111–112], мотив дружественных отношений [3, с. 112], мотив рождения от родоначальников *айыы* чудесных детей [3, с. 132], мотив непримиримой борьбы с *абаасы* [3, с. 139], мотив разъединения брата и сестер, мотив активности невесты [3, с. 140], мотив наречения невесты новым именем [5, с. 108], мотив боя отца с сыном, мотив земной жизни божества среди людей ради устройства их жизни [5, с. 120], мотив потери коня, мотив потери ребенка [1, с. 8], мотив строительства героем своего жилища [1, с. 9]. Эти мотивы показывают богатство и разнообразие сюжетного полотна эпического произведения якутов.

В результате многолетнего исследования сюжетики олонхо Николай Васильевич Емельянов успешно защитил докторскую диссертацию по совокупности опубликованных работ [4]. Крупные отечественные фольклористы Б. Н. Путилов, В. М. Гацак, Х. Г. Кероглы, Т. М. Мирзаев, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик высоко ценили труды Н. В. Емельянова, которые оказали влияние также на исследования по сюжетике бурятского, алтайского, тувинского эпосов [6, с. 135]. Сюжетные мотивы якутского героического эпоса, выявленные Н. В. Емельяновым, легли в аналитическую основу кандидатских диссертаций А. П. Решетниковой [21], Л. Н. Семеновой [22], Т. В. Илларионовой [23], А. А. Кузьминой [24], Н. А. Оросиной [25], А. Н. Даниловой [26] и др. Несомненна роль научных работ Н. В. Емельянова в дальнейших разработках мотивики олонхо.

Заключение

Таким образом, Н. В. Емельянов основал целое направление, проведя огромную работу по систематизации, типологии, выявлению принципов сюжетостроения якутского героического эпоса. Ученый установил, что композиционная и сюжетная структура сюжета олонхо устойчива, канонична и состоит из мотивов, то есть мотив представлен как повествовательная единица. Выявлено, что научный подход Н. В. Емельянова по отношению к мотивам олонхо сформировался под влиянием теорий В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова.

Н. В. Емельянов выделил основные, подчиненные, специфические, эпизодические мотивы в зависимости от частоты их употребления, значимости в сюжете; эпические и сказочные мотивы – по характеру генезиса; христианские и социальные – по наличию поздних напластований.

В исследованиях ученого мы выявили указания на 139 сюжетных мотивов и распределили их по отношению к композиционным структурам сюжета олонхо, где данные мотивы функционируют. Труды Н. В. Емельянова были по достоинству оценены специалистами, и многие его идеи нашли свое продолжение в последующих исследованиях по фольклористике. В перспективе следует проводить исследования по рецепции идей Н. В. Емельянова в трудах современных эпосоведов.

Литература

1. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – Москва : Наука, 1980. – 376 с.
2. Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. – Москва : Наука, 1983. – 247 с.
3. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. – Москва : Наука, 1990. – 208 с.
4. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо и этапы развития якутского эпоса : дисс. в форме научного доклада по совокупности опубликованных работ на соискание ученой степени д. филол. н. – Москва, 1991. – 38 с.
5. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. – Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. – 192 с.
6. Илларионов В. В. К 90-летию со дня рождения эпосоведа Николая Васильевича Емельянова // Вестник Северо-Восточного федерального университета. – 2011. – № 4. – Т. 8. – С. 134–136.
7. Олонхо ыһыаба : бүгүҥнүтэ уонна кэлэр кэскилэ : республикатааҕы научнай-практической конференция матырыйааллара (Ньурба к., кулун тутар 10–11 кк., 2011 с.) / [сост. : В. В. Илларионов, А. А. Дмитриева, Т. В. Илларионова]. – Якутск : Бичик, 2012. – 200 с. (На якутском яз.)
8. Данилова А. Н., Оросина Н. А. Николай Васильевич Емельянов (К 95-летию со дня рождения) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 1. – С. 115–118.
9. Кузьмина А. А. Аксакал якутской фольклористики (к 95-летию со дня рождения доктора филологических наук Н. В. Емельянова) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2016. – № 3. – С. 91–92.
10. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. 4-е изд. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 648 с.
11. Пропп В. Я. Морфология сказки. – Ленинград : Academia, 1928. – 152 с.
12. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору : Сб. ст. памяти В. Я. Проппа (1895–1970) / сост. и ред. С. Ю. Неклюдов, Е. М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1975. – С. 141–155.
13. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2003. – 457 с.

14. Мелетинский Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура : Труды по знаковым системам. Вып. 16. – Тарту : ТГУ, 1983. – С. 115–125.
15. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография : У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов : сб. науч. тр. / под ред. Б. Н. Путилова. – Ленинград : Наука, 1984. – С. 221–229.
16. Березкин Ю. Е. Возраст мотива и способы его определения // Фольклор : структура, типология, семиотика. – 2019. – № 1. – С. 17–45.
17. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Москва : Наука, 1974. – 404 с.
18. Дандес А. Структурная типология индейских сказок Северной Америки // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. – Москва : Наука, 1985. – С. 184–193.
19. Маранда П., Кёнгас-Маранда Э. Структурные модели в фольклоре // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. – Москва : Наука, 1985. – С. 194–260.
20. Нефедова А. Б. Влияние христианства на женский металлический убор якутов XIX – начала XX вв. // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй : Российской и Монгольской. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2011. – 305 с.
21. Решетникова А. П. Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. – Якутск : Бичик, 2005. – 408 с.
22. Семенова Л. Н. Эпический мир олонхо : пространственная организация и сюжетика. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – 232 с.
23. Илларионова Т. В. Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох» : сравнительный анализ разновременных записей. – Новосибирск : Наука, 2008. – 96 с.
24. Кузьмина А. А. Олонхо Вилюйского региона : бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. – Новосибирск : Наука, 2014. – 160 с.
25. Оросина Н. А. Таттинская локальная традиция якутского эпоса олонхо : формы бытования, основные образы и мотивы : автореф. дис. ... к. филол. н. – Якутск, 2015. – 25 с.
26. Данилова А. Н. Мотив чудесного рождения главного героя в якутском олонхо // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2019. – № 4. – С. 125–135. – DOI : 10.25587/SVFU.2019.16.44323.

References

1. Emelianov N. V. Plots of the Yakut olonkho. Moscow, Nauka Publ., 1980, 376 p. (In Russ.)
2. Emelianov N. V. Plots of the early types of Yakut olonkho. Moscow, Nauka Publ., 1983, 247 p. (In Russ.)
3. Emelianov N. V. Olonkho plots about the ancestors of the tribe. Moscow, Nauka Publ., 1990, 208 p. (In Russ.)
4. Emelianov N. V. Plots of olonkho and stages of development of the Yakut epic. Dissertation in the form of a scientific report on the totality of published works for the degree of Doctor of Philological Sciences. Moscow, 1991, 38 p. (In Russ.)
5. Emelianov N. V. Olonkho plots about the defenders of the tribe. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, 192 p. (In Russ.)
6. Illarionov V. V. On the occasion of the 90th anniversary of the birth of the epic scholar Nikolai Vasilyevich Emelianov. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2011, no. 4, vol. 8, pp. 134–136. (In Russ.)
7. Ysyakh olonkho: today and the future: materials of the Republican scientific and practical conference (Nurba, March 10–11, 2011). Comp.: V. V. Illarionov, A. A. Dmitrieva, T. V. Illarionova. Yakutsk, Bichik Publ., 2012, 200 p. (In Yakut)
8. Danilova A. N., Orosina N. A. Nikolay Vasilyevich Emelianov (To the 95th anniversary of his birth). *Severo-Vostochnyi humanitarnyi vestnik*. 2016, no. 1, pp. 115–118. (In Russ.)
9. Kuzmina A. A. Aksakal of the Yakut folklore studies (to the 95th anniversary of the birth of Doctor of Philological Science N. V. Emelianov). *Vestnik of the North-Eastern Federal University: Series Epic Studies*. 2016, no. 3, pp. 91–92. (In Russ.)
10. Veselovsky A. N. Historical poetics. Ed., introd. and notes by V. M. Zhirmunsky. 4th ed. Moscow, Izd-vo LKI Publ., 2010, 648 p. (In Russ.)

11. Propp V. Ya. Morphology of the tale. Leningrad, Academia Publ., 1928, 152 p. (In Russ.)
12. Putilov B. N. Motif as a plot-forming element. In: Typological research on folklore: Collection of articles in memory of V. Ya. Propp (1895–1970). Comp. and ed. S. Yu. Neklyudov, E. M. Meletinsky. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 141–155. (In Russ.)
13. Putilov B. N. Folklore and folk culture. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003, 457 p. (In Russ.)
14. Meletinsky E. M. Semantic organization of mythological narration and the problem of creating a semiotic index of motifs and plots. In: Text and Culture : Works on Sign Systems. 16th ed. Tartu, Tartu State University Publ., 1983, pp. 115–125. (In Russ.)
15. Neklyudov S. Yu. On some aspects of the study of folklore motifs. In: Folklore and Ethnography: At the ethnographic origins of folklore plots and images. Collection of scientific papers. Ed. by B. N. Putilov. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 221–229. (In Russ.)
16. Berezkin Yu. E. The age of the motif and how to define it. *Folklore: structure, typology, semiotics*. 2019, no. 1, pp. 17–45. (In Russ.)
17. Ergis G. U. Essays on Yakut folklore. Moscow, Nauka Publ., 1974, 404 p. (In Russ.)
18. Dandes A. Structural typology of Native American tales of North America. In: Foreign research on semiotics of folklore. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 184–193. (In Russ.)
19. Maranda P., Kengas-Maranda E. Structural models in folklore. In: Foreign research on semiotics of folklore. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 194–260. (In Russ.)
20. Nefedova A. B. The influence of Christianity on the female metal dress of the Yakuts of the 19th – early 20th centuries. In: Siberian collection – 3. Peoples of Eurasia as part of two empires: Russian and Mongolian. Saint Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Publ., 2011, 305 p. (In Russ.)
21. Reshetnikova A. P. Fund of plot motifs and olonkho music in an ethnographic context. Yakutsk, Bichik Publ., 2005, 408 p. (In Russ.)
22. Semenova L. N. The epic world of olonkho: spatial organization and plot. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006, 232 p. (In Russ.)
23. Illarionova T. V. Textual criticism of the olonkho “Mighty Er Sogotokh”: a comparative analysis of records of different times. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 96 p. (In Russ.)
24. Kuzmina A. A. Olonkho of the Vilyui region: existence, plot-compositional structure, images. Novosibirsk, Nauka Publ., 2014, 160 p. (In Russ.)
25. Orosina N. A. Tattinsky local tradition of the Yakut epic olonkho: forms of existence, main images and motifs. Abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences. Yakutsk, 2015, 25 p. (In Russ.)
26. Danilova A. N. The motif of the miraculous birth of the protagonist in the Yakut olonkho. *Vestnik of the North-Eastern Federal University: Series Epic Studies*. 2019, no. 4, pp. 125–135. DOI: 10.25587/SVFU.2019.16.44323. (In Russ.)